

СОДЕРЖАНИЕ

В. Татаринов. Эпоха абсурда в поисках автора. Предисловие..... 5

МАСТЕР И МАРГАРИТА. Роман

Часть первая

Глава 1. НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ.....	65
Глава 2. ПОНТИЙ ПИЛАТ	73
Глава 3. СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО	87
Глава 4. ПОГОНЯ	91
Глава 5. БЫЛО ДЕЛО В ГРИБОЕДОВЕ	97
Глава 6. ШИЗОФРЕНИЯ, КАК И БЫЛО СКАЗАНО	105
Глава 7. НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА	110
Глава 8. ПОЕДИНОК МЕЖДУ ПРОФЕССОРОМ И ПОЭТОМ	117
Глава 9. КОРОВЬЕВСКИЕ ШТУКИ.....	123
Глава 10. ВЕСТИ ИЗ ЯЛТЫ	129
Глава 11. РАЗДВОЕНИЕ ИВАНА	136
Глава 12. ЧЕРНАЯ МАГИЯ И ЕЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ.....	138
Глава 13. ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ	147
Глава 14. СЛАВА ПЕТУХУ!	160
Глава 15. СОН НИКАНОРА ИВАНОВИЧА	166
Глава 16. КАЗНЬ	173
Глава 17. БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ	181
Глава 18. НЕУДАЧЛИВЫЕ ВИЗИТЕРЫ	189

Часть вторая

Глава 19. МАРГАРИТА	203
Глава 20. КРЕМ АЗАЗЕЛЛО.....	212
Глава 21. ПОЛЕТ.....	216
Глава 22. ПРИ СВЕЧАХ.....	225
Глава 23. ВЕЛИКИЙ БАЛ У САТАНЫ	234
Глава 24. ИЗВЛЕЧЕНИЕ МАСТЕРА	244
Глава 25. КАК ПРОКУРАТОР ПЫТАЛСЯ СПАСТИ ИУДУ ИЗ КИРИАФА ..	259
Глава 26. ПОГРЕБЕНИЕ	265
Глава 27. КОНЕЦ КВАРТИРЫ № 50	278
Глава 28. ПОСЛЕДНИЕ ПОХОЖДЕНИЯ КОРОВЬЕВА И БЕГЕМОТА	288
Глава 29. СУДЬБА МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ ОПРЕДЕЛЕНА	296
Глава 30. ПОРА! ПОРА!	299
Глава 31. НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ	306
Глава 32. ПРОЩЕНИЕ И ВЕЧНЫЙ ПРИЮТ	308

Эпилог 312

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ. Чудовищная история	
I	323
II	328
III	339
IV	345
V	353
VI	359
VII	368
VIII	374
IX	387
Эпилог	387

В. Татаринов

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА	391
---	-----

В. Татаринов

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ	413
---------------------------------------	-----

Эпоха абсурда в поисках автора

Предисловие

Станиславский. Что вы пишете сейчас?

Булгаков. Ничего, Константин Сергеевич, устал.

Станиславский. Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

(Испугано.) Впрочем, вы не туда это повернете!

Булгаков. Вот... все бояться меня...

Станиславский. Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул.

Беседа с К. С. Станиславским в августе 1934 г.

в изложении Михаила Булгакова

Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля!
Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах,
кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей,
неся на себе непосильный груз, тот это знает.
Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли,
ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти,
зная, что только она одна успокоит его...

Михаил Булгаков.

«Мастер и Маргарита»

Михаил Булгаков — уникальное явление в российской литературной и культурно-общественной истории 20 века. О нем все слышали, но мало кто знает что-нибудь достоверно; его биография обросла огромным количеством легенд, домьслов, анекдотов и необъяснимых совпадений. Об этом позаботилась сама жизнь: власти, стиснув зубы, терпели его существование, не давая напечатать практически ничего из созданных им шедевров и регулярно запрещая к постановке его пьесы. В советской литературной иерархии он не значил ровным счетом ничего; только достойные и неглупые люди понимали, кто перед ними, и дорожили обществом Мастера.

Булгаков ушел из жизни, казалось, обреченный на забвение. Однако прошли десятилетия и все написанное им нашло путь к читателю, подтвердив, вопреки всякой бытовой логике, ставший знаменитым романтический афоризм писателя: «Рукописи не горят». Его произведения много и успешно ставили на сцене и экранизировали, но наибольшую славу ему принес роман «Мастер и Маргарита», ставший «культовым» для многих поколений отечественных читателей.

В повестях, пьесах, романах, рассказах и очерках Булгакова перед нами оживает совсем другая Россия, далекая от плакатно-пропагандистского образа, который так старательно вымучивала официальная «советская литература». Идеи, страсти, поступки булгаковских героев естественны, человечны, понятны, а мир, который их окружает, намного привлекательнее и многозначнее «реального» мира газетных полос. За этой маленькой волшебной вселенной возникает образ и самого ее создателя — неподражаемого выдумщика, способного, как ребенок, искренне и непосредственно радоваться каждому мгновению прожитой жизни; умного, трудолюбивого и сильного духом человека, истинного Дон Кихота в том, что касалось его нравственных убеждений и личного достоинства.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 3 (15 по новому стилю) мая 1891 года в городе Киеве в семье Афанасия Ивановича Булгакова (1859—1907), доцента Киевской духовной академии. Булгаковы были «колокольными дворянами» — и мать, и отец будущего писателя происходили из семей священников.

Варвара Михайловна Булгакова (урожденная Покровская; 1869—1922) до замужества успела поработать два года учительницей в Карачевской гимназии.

Афанасий Иванович, выпускник Киевской духовной академии, кроме своего родного вуза, преподавал в Институте благородных девиц (1890—1892) и подрабатывал цензором (1893—1907). В качестве цензора он давал заключение по книгам на французском, английском и немецком языках; эта побочная работа отнимала у него много времени и сил, однако давала доход, равный его преподавательскому окладу в академии (1200 рублей годовых). Отец Булгакова был очень образованным человеком: кроме перечисленных, он знал латынь и греческий, а также славянские языки.

Михаил был их первенцем: в течение последующих одиннадцати лет родилось еще шестеро его младших братьев и сестер — Вера (1892), Надя (1893), Варя (1895), Николка (1898), Ваня (1900) и Леля (Елена, 1902). Такое обилие детей совсем небогатой семье объяснялось традицией — в семьях родителей Булгакова было девять и десять детей.

Около 1900 года Булгаковы купили две десятины леса в Буче (29 верст от Киева) и выстроили там дачу: одноэтажный пятикомнатный дом с двумя верандами. Булгаковы могли купить либо недорогой домик в Киеве, либо дачу. Победил второй вариант — детям нужен был свежий деревенский воздух и общение с природой (снимать дачу на такую ораву было бы непросто), да и родители любили трудиться на земле: Афанасий Иванович корчевал пни и сажал фруктовые деревья, а Варвара Михайловна, которая еще до замужества увлекалась цветоводством, устроила великолепный цветник.

Булгаковы были дружной и веселой семьей: все делали вместе, постоянно шутили, смеялись, разыгрывали друг друга. Эту уютную, душевную атмосферу Дома, которую все Булгаковы и знавшие их вспоминали впоследствии как нечто наподобие утраченного рая, Михаил перенес во многие свои произведения, в первую очередь — в роман «Белая гвардия» и написанную по нему пьесу «Дни Турбиных».

В 1901 году Михаил пошел в первый класс 1-й гимназии (лучшей в городе), куда как раз в то время в порядке эксперимента для преподавания приглашали профессоров из Киевского университета и политехнического института. Известный писатель Константин Паустовский вспоминал: «Нашему выпуску повезло: у нас были хорошие учителя так называемых “гуманитарных наук” — русской словесности, истории и психологии... Со мной учились несколько юношей, ставших потом известными людьми в искусстве. Учился Михаил Булгаков... драматург Борис Ромашов, режиссер Берсенов, композитор Лятошинский, актер Куза и певец Вертинский*». Правда, учеба у Булгакова стояла отнюдь не на первом месте — сверстники запомнили его как заводного малого и неперменного участника всех школьных потасовок.

Но это были всего лишь возрастные, школярские шалости, без всякой идейно-политической примеси: во время революции 1905 года Булгаков вместе со своими одноклассниками от всей души бил стекла, бросался чернильницами и строил баррикаду в классе, чтобы не пустить на урок учителя, но ни в каких собраниях или митингах никогда участия не принимал. Вероятно, сыграла роль и существенная разница в отношении к происходящему — в отличие от многих одноклассников, увлекавшихся идеями социалистов и анархистов, Михаил твердо придерживался монархических взглядов.

*Примечания, обозначенные *, см. в конце книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1906 году Булгаковы сняли жилье в доме № 13 на Андреевском спуске. Этот дом стал местом, куда дети Булгаковых неизменно возвращались после всех приключений и испытаний, на которые оказались богаты уже стоявшие на пороге годы «русской усобицы»; Михаил Булгаков обессмертил его в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных».

В этом же году занемог Афанасий Иванович. Он почти утратил зрение и сильно ослабел; виной всему было тяжелое заболевание почек, которое и свело его в могилу в марте 1907 года. Когда стало ясно, что болезнь победить не удастся, коллеги Афанасия Ивановича сделали все, что было в их силах, чтобы позаботиться о его семье: в декабре 1906 года совет Духовной академии удостоил его вполне заслуженной степени доктора богословия, в феврале Синод удовлетворил ходатайство совета о присвоении ему звания ординарного профессора с соответствующим содержанием. Все это позволило академии выхлопотать семье Булгаковых пенсию, которая превышала жалование их кормильца на должностях доцента и цензора.

Так 16-летний Михаил стал главным мужчиной в доме. Впрочем, все старшие дети в этой семье сознавали свою ответственность — они деятельно помогали матери, сами зарабатывали деньги, например давая уроки, возились с младшими.

В доме Булгаковых по-прежнему жили небогато и весело. Шумные ватаги молодежи, которые спустя несколько лет выросли за счет ухажеров повзрослевших барышень, разыгрывали шарады и домашние спектакли, играли в крокет и настольный теннис, катались на лодках.

В этой стихии Михаил чувствовал себя как рыба в воде. Он увлекался ездой на велосипеде и катанием на коньках, везде стараясь достигнуть высшего пилотажа, чтобы потом поддразнивать окружающих. В старших классах гимназии он увлекся новым тогда футболом; вслед за ним заядлыми футболистами стали и остальные братья.

Не менее ярко проявлялись в нем и творческие наклонности. Свой первый рассказ «Похождения Светлана» Михаил написал еще в семь лет; он также рисовал (в особенности карикатуры) и сочинял шуточные стихи. Например, летнему дню в Буче в 1915 году он посвятил длинное стихотворение, целую поэму, где были такие строки:

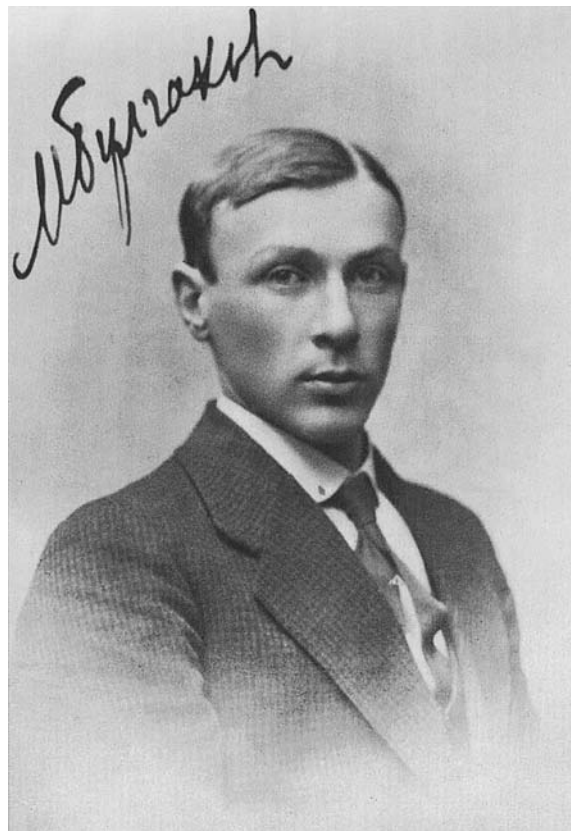
Утро. Мама в спальне дремлет.
Солнце красное взойдет,
Мама встанет и тотчас же
Всем работу раздаст:
«Ты иди песок сыпь в ямы,
Ты ж из ям песок таскай».
.....
Помоляся Богу,
Улеглася мать.
Дети понемногу
Сели в винт играть.

Наиболее страстным увлечением в тот период у него была опера. Гимназистом и студентом Михаил ходил на своего любимого «Фауста» 41 раз! Он с удовольствием играл на пианино любимые увертюры или сцены из опер — «Фауста», «Травиаты», «Кармен», «Севильского цирюльника», «Руслана и Людмилы», «Аиды», «Тангейзера». Уже позже, в Москве, Булгаков вместе с художником Михаилом Черемных на домашних концертах пел всего «Севильского цирюльника», при этом писатель не только пел, но еще и дирижировал.

Повзрослев, Михаил обнаружил тягу к естественным наукам. Он за спиртовывал ужей, увлекался энтомологией и собрал неплохую коллекцию жуков и бабочек, которую его мать, уезжая из города, в 1919 году передала Киевскому университету. Принятое Булгаковым впоследствии решение учиться медицине, как видим, было отнюдь не случайным. К тому же среди его родственни-

Булгаковы Вера и Миша (стоит)
1894 г.

Михаил Булгаков — выпускник
медицинского факультета
Киевского университета
1916 г. Фото из экзаменационного дела

Семья Булгаковых на даче в Буче
Справа налево — стоят: в верхнем ряду Михаил и его товарищ Борис Богданов;
в среднем ряду: Надя, Варя, Вера; сидят: Афанасий Иванович (отец) с Лелей,
Варвара Михайловна (мать), брат Афанасия Ивановича с Колей. 1906 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ков было несколько врачей; немудрено, что эта профессия в юности представлялась Михаилу «блестящей».

Путь к юношескому призванию пролегал для Михаила Булгакова, сына профессора Духовной академии, через неверие. Надо сказать, что в этой семье родители не стремились как-то ограничивать кругозор детей, которые были очень начитанны и славились в других семьях своим вольнодумством. Михаил, к примеру, прочел «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго еще лет в восемь-девять, после чего книга перешла к сестре Вере.

В 1909 году Булгаков окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Киевского университета. Уже через год он в семейных спорах горячо защищал теорию Дарвина и не говел перед Пасхой. Под его влиянием «сбились с пути» и двое его гимназических приятелей, Платон и Саша Гдешинские, сыновья помощника библиотекаря Духовной академии. Тесно общаясь с Михаилом, часто бывая в доме Булгаковых, они постепенно решились, вопреки воле отца, уйти из семинарии и продолжить обучение в других, светских заведениях, хотя там им пришлось за это платить из собственных заработков.

Летом 1908 года в жизни Михаила произошло событие, которому окружающие вначале не придали особого значения, — он встретил свою первую любовь. Настоящая любовь — это целая жизнь, со своим рождением, веселой и беззаботной юностью, непростой судьбой, спокойной и мудрой зрелостью и неизбежным угасанием. Михаилу Булгакову довелось прожить три таких жизни — насыщенных, романтических и совершенно непохожих одна на другую.

А тогда в Киев приехала гимназистка из Саратова Татьяна Лаппа погостить к тете и бабушке. Тетя ее дружила с матерью Булгакова, Варварой Михайловной, так что все произошло самым естественным образом.

— Я познакомлю тебя с мальчиком. Он покажет тебе Киев, — пообещала тетя. «Мальчиком» оказался семнадцатилетний Миша Булгаков.

Так они встретились и стали гулять вдвоем по Киеву. Когда Таня уехала домой к родителям, они начали переписываться. В тот год она должна была приехать в Киев еще и на Рождество, но родители по каким-то причинам отправили ее в Москву к бабушке, а в Киев поехал ее брат Женя. В Саратове тем временем была получена очень любопытная телеграмма от Мишиного друга Саши Гдешинского: «Телеграфируйте обманом приезд Миша стреляется». Это означало, что влюбленный Михаил пригрозил застрелиться, если предмет его страданий не появится в городе на Рождество. Отец Тани вложил это послание в письмо к сестре в Киев: «Передай телеграмму своей приятельнице Варе...»

Таня приехала в Киев только в конце июля 1911 года, уже после окончания гимназии. Она погостила на даче у Булгаковых и хотела остаться у бабушки и тетки, но отец был непреклонен: «Поработай год — тогда поедешь в Киев!» Пришлось ей в начале сентября возвращаться в Саратов, где уже начинались занятия в училище, куда ее приняли на работу класной дамой.

На Рождество в Саратов приехал Михаил и привез с собой Танину бабушку из Киева. Там он познакомился с Таниными родителями и домашним укладом семьи Лаппа, который отличался от булгаковского. В доме Булгаковых детей воспитывали в уважении к Святому Писанию и труду; Татьяна же была любимой и своевольной старшей дочерью в богатой и хлебосольной русской дворянской семье. Когда она приходила из гимназии, то могла бросить верхнее платье прямо на пол с полного одобрения матери: «Не подбирай, горничная уберет; неизвестно, как сложится жизнь, пока позволяют обстоятельства — ничего не делай!»

С ролью класной дамы в женском училище Татьяна справлялась с трудом — ученицы там были в основном раза в два больше и толще ее. После занятий она часто возвращалась домой с совершенно севшим голосом. Однажды преподаватель Закона Божьего спросил девушек, где их класная дама. Увидев Татьяну, он расхохотался.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конец зимы и весна 1912 года для учебы Михаила оказались потерянными — он тосковал и мечтал. Забросив занятия, он не стал сдавать экзамены, чем вызвал тревогу у матери. Летом он снова поехал в Саратов, и в августе они возвращались в Киев уже вместе — Тася (так ее называл Михаил) сказала родителям, что будет поступать на Историко-филологические курсы.

Она действительно поступила на эти курсы, на романо-германское отделение, но до учебы ли им было? Они почти не расставались. В основном гуляли, ходили в театр, особенно в оперный, слушать «Кармен», «Гугенотов», «Аиду», «Севильского цирюльника» с итальянцами. Любимого Булгаковым «Фауста» они в ту зиму прослушали раз десять. Кроме того, они посещали каждый симфонический концерт в Купеческом саду. Михаил любил увертюру к «Руслану и Людмиле», напевал иногда арии из «Аиды» — «Милая Аида... рая создание» или из «Фауста» — «На земле весь род людской», ариозо Валентина — «Я за сестру тебя молю...»

Варвара Михайловна продолжала беспокоиться за сына и однажды вызвала Тасю на разговор: «Не женитесь, ему рано». Разумеется, попытка оказалась тщетной. Отношения между влюбленными успели зайти настолько далеко, что деньги, присланные Тасе отцом, пришлось использовать не на подвенечное платье, а на оплату услуг врача — ребенок в тот момент был бы явно не ко времени. Опасения родственников на предмет их раннего брака Михаил обобщил в юмористической пьесе «С мира по нитке — голому шиш», которую он сочинил накануне свадьбы. Там, в частности, на вопрос, где же будут жить молодые, давался следующий ответ: «Жить они вполне свободно могут в ванной комнате. Миша будет спать в ванне, а Тася — на умывальнике».

Они обвенчались 26 апреля 1913 года. Тася вспоминала позднее, как они почему-то «ужасно хохотали под венцом», а затем возвращались домой в карете. Гостей на свадьбе было немного, но зато цветов — настоящее изобилие, в основном нарциссов.

После свадьбы Михаил уже не пропускал занятий, но они по-прежнему были вместе, когда только могли, — например, сидели рядом в библиотеке, где ему приходилось заниматься.

К деньгам Михаил относился легко: если есть — надо тратить! Поэтому они с Тасей часто ходили в кафе или в ресторан, катались на ликахах-извозчиках или даже на автомобиле. Мать поругивала молодых за легкомыслие: как придут к ней обедать — на Тасе ни колец, ни золотой цепи.

— Ну, значит, все в ломбарде!

— Зато мы никому не должны!

Как же они жили? Михаил давал уроки, а Тасе отец присылал по пятьдесят рублей ежемесячно. Десять—пятнадцать рублей они отдавали за квартиру, а остальное сразу тратили. В еде они особо не привередничали: пошли в магазин «Лизель», купили московской колбасы — и сыты.

Кроме перечисленных, в число их любимых развлечений входил кинематограф, а у Михаила — очень популярный среди студентов бильярд и солидная, взрослая карточная игра винт. Кстати, бильярд и винт с тех пор навсегда вошли в число любимых игр Булгакова, которым он с удовольствием отдавал должное и в 20-е, и в 30-е годы.

Летом 1914 года Михаил с Тасей отправились в Саратов. Там их и застало известие о начале Первой мировой войны. Мать Таси организовала госпиталь, куда вскоре стали привозить раненых с фронта. Остаток лета, до отъезда на занятия в Киев, Михаил проработал в госпитале. Тася не отставала от него и устроилась туда же. Потом она стала сестрой милосердия.

Беззаботное время, когда все вокруг молоды, здоровы и веселы, никто не умирает и любые вчерашние проблемы и огорчения наутро припоминаются уже с некоторым трудом, заканчивалось. Красавец-Киев по-прежнему радовал глаз буйной зеленью парков и знаменитыми аллеями каштанов, и жизнь

ПРЕДИСЛОВИЕ

в древнем городе на холмах над Днепром текла все так же беспечно, но эхо набравшей обороты войны уже начинало докатываться и до него.

Многие друзья и знакомые Михаила были зачислены в армию и отправлены на фронт. У Булгаковых продолжала собираться молодежь, кипели страсти. Давний приятель Михаила Борис Богданов, с которым они несколько лет сидели за одной партией, уже мобилизованный, но еще не отправленный на фронт, сделал предложение его сестре Варе, однако получил отказ и на следующий день пришел к Булгаковым со сбритыми усами.

Шалости вроде бы продолжались, но в начале 1915 года Борис вызвал к себе Михаила запиской и дальше произошло нечто, навсегда оставившее след в памяти потрясенного Булгакова. Борис попросил его что-то посмотреть в карманах шинели, висевшей на вешалке; когда Михаил отвернулся, комнату заполнил грохот — его школьный товарищ покончил с собой, выстрелив себе из пистолета в голову. В предсмертной записке, которая вскоре отыскалась на стуле у постели, Борис просил никого не винить в происшедшем. Романтический слух тут же связал самоубийство с несчастной любовью к Варе Булгаковой, однако истинные причины злосчастного выстрела были известны, видимо, только самому Борису.

В 1916 году Михаил окончил курс и к началу апреля сдал выпускные экзамены, получив тринадцать пятерок (для получения степени «лекаря с отличием» хватало одиннадцати). Тогда Тася единственный раз в жизни видела его пьяным — Булгаков вообще пил мало. Он пришел домой и они пошли погулять на Владимирскую горку, а вернулись домой уже на рассвете.

Не дожидаясь получения диплома, Булгаков добровольно пошел работать в госпиталь Красного Креста. Вскоре госпиталь был переведен в Каменец-Подольский, поближе к театру военных действий. Тася приезжала к мужу, хотя беспрепятственно пропускали далеко не всегда — фронт был совсем рядом. Однажды у нее спросили пропуск, которого, конечно же, не было. Выручил Булгаков, показавший солдату рецепт, — часовые были неграмотны.

Сестра Булгакова Надежда тогда увлекалась политикой и насовала Тасе прокламаций, чтобы она разбросала их среди солдат. Тася больше всего боялась, чтобы листовки не увидел Михаил, — он бы страшно разозлился — и сожгла их потихоньку в камине.

В Черновцах она уже работала сестрой милосердия рядом с мужем, помогала при операциях, держала ноги, которые он ампутировал. Однажды ей стало дурно, потом ничего, привыкла.

После получения диплома Михаил был направлен в резерв военно-санитарного управления. Это означало, что молодые врачи числились на военной службе, но командировались для работы в земские больницы, взамен опытных врачей, призванных на фронт. Михаила вызвали в Москву и направили «в распоряжение смоленского губернатора»; преданная Тася неотлучно следовала за ним.

Так они оказались в селе Никольском Смоленской губернии, находившемся в 30—40 километрах от ближайшего уездного города, и поселились в большом двухэтажном доме для врачей, рассчитанном на две докторские семьи. В первый же день привезли роженицу с неправильным положением плода. Во время операции Тася сидела неподалеку и по команде Михаила отыскивала в медицинском учебнике нужные места, которые он прочитывал. Муж роженицы тоже блуждал где-то поблизости и был настроен весьма решительно. Юного доктора он предупредил сразу: «Если умрет, и тебе не жить — убью». Потом ему часто угрожали родственники больных...

Работа в Никольском обострила лучшие качества характера Булгакова: способность быстро оценить ситуацию и поставить верный диагноз, находчивость и смелость в принятии решений, умение сохранять хладнокровие в опасной ситуации. Он и впоследствии редко ошибался в диагнозах, в самых разных смыслах этого слова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды летом 1917 года Михаил лечил ребенка, заболевшего дифтерией. Он отсасывал дифтерийные пленки из горла больного и случайно заразился. Пришлось вводить себе противодифтерийную сыворотку, но от нее началась аллергия: зуд, потом сыпь и распухшее лицо. Михаил совершенно не мог спать от зуда и боли и попросил впрыснуть ему морфий. Повторение инъекций в течение нескольких дней вызвало эффект, о котором он не подумал, находясь в полубессознательном состоянии, — он попал в зависимость от наркотика и теперь не мог обойтись без него.

Новая болезнь развивалась, и бодрое расположение духа стало чередоваться у Булгакова с приступами депрессии. Тася стала часто плакать, но для этого у нее была и другая причина — она вновь забеременела. Михаил по разным причинам был не в восторге от перспективы возможного увеличения семьи — помимо всего прочего, ребенок мог оказаться неполноценным из-за морфия в его организме. Тася, скрепя сердце, опять отправилась делать операцию — в Москву, к дядьке.

Постепенно они перебрались из Никольского в Вязьму. Физическое и душевное состояние Михаила оставляло желать лучшего. От привычки к морфию он избавиться так и не смог и периодически впадал в тяжелую депрессию, когда ему казалось, что он сходит с ума. Он молил Тасю не отдавать его в больницу, панически боялся, что о его состоянии узнают окружающие, — и гнал ее в аптеку за новыми порциями, не слушая увещаний.

Когда у него стало больше свободного времени, Булгаков стал тратить его на занятия литературой; вполне возможно, именно к этому времени относятся первые редакции произведения «Недуг», в будущем трансформировавшегося в «Морфий».

Из Вязьмы Булгаков навещался в Москву, где ему не сразу, но удалось освободиться от военной службы. Страна уже была всю охвачена революционным хаосом. Михаил, который с юных лет держался подчеркнуто в стороне от модных социалистических течений и общественной деятельности, смотрел на происходящее с ужасом и омерзением. Свою роль, несомненно, сыграла и профессия врача: он был приучен трезво оценивать факты, делать четкие и логичные выводы, не увлекаясь риторикой или романтическими фантазиями о светлом будущем, которое предстоит построить в отсталой и неграмотной стране народу, освобожденному от всякой власти.

В феврале 1918 года Булгакову удалось избавиться от военной службы по болезни; Вяземская больница при этом отметила безупречное исполнение им своих обязанностей. Стремление Михаила распрощаться со службой, привязывавшей его к российской глубинке, вдали от родных мест, было целиком оправданным и своевременным: уже летом 1918 года уездным властям в Смоленской губернии было приказано подвергнуть аресту «всех б[ывших] помещиков, их управляющих или доверенных лиц, а также и прочих паразитов».

Наступала эпоха революционного «правосудия», когда достаточным основанием для ареста и почти неизбежного расстрела была принадлежность к «паразитам», которых распознавали «классовым чутьем»; на практике все определялось настроением озверелой толпы и местных хозяев положения — революционных властей. Старые законы, суды и полиция были уничтожены, в основу новых норм правопорядка была положена лояльность к большевикам и готовность выполнять любые их приказы. Так рождалась новая власть, с самого начала своего существования сделавшая ставку на беспощадное уничтожение «классово чуждых» традиций, общественного устройства, юридических норм, искусства, а также людей, кровно связанных со всем перечисленным: офицеров, священников, служащих, адвокатов, банкиров и предпринимателей, чиновников, врачей, учителей, — одним словом, «бывших» и «буржуев».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте Булгаковы уже были в Киеве, занятом немцами. Приходилось привыкать к мысли, что Украина и Киев, «мать городов русских», уже не часть России: в начале марта был заключен Брестский мир, по которому большевистские власти, предав союзников России по антигерманской коалиции, вышли из Первой мировой войны. В числе прочего они признали независимость Украины, ставшей таким образом подконтрольным Германии государством. Большевики, однако, добились главного — они сохранили свою власть, а также получили дипломатическую и финансовую поддержку Германии.

Чтобы как-то прокормить себя и жену, Булгаков решил заняться частной медицинской практикой. И хотя по окончании университета он избрал специальностью детские болезни, уже в Никольском ему пришлось иметь дело с массовым распространением сифилиса, который завезли солдаты-фронтовики; поэтому в Киеве он открыл кабинет по лечению венерических заболеваний. Заработать на этом много не получалось — врачей в Киеве тогда скопилось немало, да и состоятельные больные на приеме у Михаила появлялись сравнительно редко, однако на фоне окружающей неразберихи Булгаковы, в общем, не бедствовали. Тася помогала ему во время приема — держала руку больного, когда Михаил впрыскивал неосальван, кипятила воду.

Между тем состояние самого Булгакова не улучшалось. Он стал пить валерьянку, опий — прямо из пузырька. Тася пыталась отказывать ему в морфии, обмануть тем, что его уже взяли на заметку в аптеке, но все это помогало лишь временно. Во время приступов он просто терял над собой контроль: мог бросить в жену горящий примус или прицелиться в нее из браунинга — разумеется, от отчаяния и боли, но это служило всем слабым утешением.

Болезнь и связанные с ней приступы раздражительности обострили не лучшие стороны характера Булгакова — он привык принимать как должное готовность Таси постоянно быть рядом, прийти на помощь, пойти навстречу его не всегда разумным требованиям... Он стал позволять себе обращаться с ней иронически-высокомерно, иногда пропадал где-то подолгу, случалось, не ночевал дома. Близкие не раз упрекали его за это. После одной из таких ссор Михаил задумчиво посмотрел на Тасю и сказал:

— Ну, меня за тебя Бог накажет...

Потом он еще не раз повторил ей эту фразу.

И все-таки именно Тасе он был обязан избавлением от наркотической зависимости. Разочаровавшись во всех испробованных средствах, она стала обманом впрыскивать ему дистиллированную воду вместо морфия, несмотря на все его мучения и упреки. Постепенно произошло почти чудо — полное отвыкание.

Стиль жизни Михаила и Таси не очень изменился: они по-прежнему беззаботно гуляли и легко тратили с таким трудом достававшиеся деньги. Возможно, это была своеобразная форма психологической защиты: мир непоправимо изменился, но пока они не смирились с этими переменами и не приняли их, всегда остается хоть какая-то надежда на возвращение нормальной жизни. Во всяком случае, в кино они ходили даже под аккомпанемент стрельбы на улицах и свиста пуль под ногами.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй», — так начал впоследствии Михаил Булгаков роман «Белая гвардия». Киевлянам действительно довелось пережить многое: по личному счету Булгакова, в городе произошло 14 смен власти, из них 10 прошли на его глазах.

Особенно богатым событиями для Булгаковых оказался период бегства гетмана Скоропадского вместе с немцами и пребывание в Киеве петлюровцев (декабрь 1918 — начало февраля 1919). Согласно семейной легенде Булгаковых, петлюровцы, овладев городом, потребовали, чтобы все офицеры и юнкера, надев форму, прибыли в Педагогический музей Первой гимназии. На вызов откликнулся и один из младших братьев Булгакова Николай.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда все собрались, петлоровцы без лишних слов заперли двери. Николай сказал:

— Господа, нужно бежать, это ловушка.

Но бежать — значило подвергнуть себя смертельной опасности, а им, возможно, грозила всего лишь постановка на особый учет и мобилизация. Никто не решался что-либо предпринять.

Николай прекрасно ориентировался в комнатах и коридорах музея. Он поднялся на второй этаж и через какое-то окно выпрыгнул во двор. Ему повезло — он упал прямо в большой сугроб. Это был двор их гимназии. Николай пробрался в гимназию и встретил сторожа Максима. Максим забрал вещи Николая и дал ему свой костюм. Николай, уже в штатском, выбрался из гимназии через другой выход и отправился домой. Оставшиеся были позднее расстреляны.

Сцена грабежа Василисы в «Белой гвардии», как и многое в этом романе, также основана на реальных событиях. Как-то при петлоровцах к ним в дом № 13 по Андреевскому спуску постучали синежупанники. Вид у них был очень своеобразный — обуты в дамские боты, но со шпорами, все надушены модными духами «Кер де Жаннетт»*. Осмотрев комнаты Булгаковых на втором этаже, они стали совещаться:

— Идем отсюда, тут беднота, ковров даже нет. Тут еще квартира есть — может, там лучше!

И они направились на первый этаж к хозяину дома, архитектору Василию Листовничему, и там выгребли все денежные знаки, совершенно не польстившись на золотые украшения. Ну что ж, специалистам, как говорится, виднее.

Происходившее временами напоминало какую-то кошмарную феерию: границы реальности в сутолоке будней размывались и она начинала сосуществовать на равных правах с явным бредом.

Образованному и трезвомыслящему человеку трудно было бы относиться всерьез к этой опереточной власти, если бы не ежедневные обыски, погромы и расстрелы. Накануне ухода из города петлоровцы мобилизовали Михаила. Ему пришлось подчиниться; по пути он отстал от своей группы, спрятался и просидел всю ночь в снегу. Ему повезло — его не хватились сразу, и в час ночи он уже был дома, бледный, дрожащий и с совершенно безумным видом.

6 февраля в город вступили большевики, которые взялись за наведение порядка по-своему: начались аресты и реквизиции «буржуев», которых часто просто выбрасывали из домов, в чем застали. В городе свирепствовала Чека; особенно массовыми расстрелы стали после июльского визита Троцкого, призвавшего к расправам над представителями интеллигенции. Именно тогда арестовали в качестве заложника несчастного хозяина дома на Андреевском спуске Василия Листовничего; его расстреляли в конце августа, накануне ухода большевиков из города.

Автор очерка «Так было» в газете «Киевлянин» от 13 сентября 1919 года позднее вспоминала знаменитую речь Троцкого: «Чиновники, лакеи старого режима, судейские, издававшиеся в судах, педагоги, развращавшие в своих школах, помещики и их сынки-студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие, — все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнаты к земле. Кого можно — уничтожить, а остальных прижать так, чтобы они мечтали о смерти, чтобы жизнь была хуже смерти...» Не речь — это были дикие конвульсии ненависти, и если бы он упал сейчас мертвым, я бы не удивилась... Конец июля и август были самыми кровавыми для нас. Троцкий сделал свое дело.

Осенью 1919 года Михаил попал под деникинскую мобилизацию и был отправлен во Владикавказ. В Ростове он сделал остановку и пошел поиграть на бильярде; в тот раз ему сильно не повезло — он проиграл столько, что даже заложил золотую браслетку жены, которую выпросил у нее в дорогу «на счастье». Браслетка счастья в игре не принесла, и Булгакову ничего не оставалось, как возобновить путешествие к месту службы не солоно хлебавши.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тася присоединилась к нему месяц спустя. Обязанности военного врача не позволяли Булгакову сидеть на одном месте, и все же среди этих разъездов, неразберихи прифронтового быта он все больше задумывается о своем призвании литератора.

26 (13 по старому стилю) ноября 1919 года в № 47 денкинской газеты «Грозный» появилась заметка Булгакова «Грядущие перспективы» (подпись «М. Б.»). В ней ощущается твердая вера в конечную победу белого движения как отвечающую естественным интересам России, равно как и осознание трудности и отдаленности достижения этой желанной цели. Справедливости ради заметим, что в августе—сентябре в газете «Киевское эхо» были напечатаны три статьи за подписью «Мих. Б.» под названием «Советская инквизиция. Из записной книжки репортера», посвященные зверствам киевской Чeka. Вполне возможно, что и они тоже принадлежат Булгакову. Наконец, 28 (15) февраля 1920 года начала выходить газета «Кавказ», среди сотрудников которой значился и «М. Булгаков».

Накануне отступления белых Михаил заболел возвратным тифом. Вместе с армией ушли врачи, остался только местный доктор, к которому Тасе приходилось бегать даже по ночам. Время между красными и белыми было беспокойное, в городе шли грабежи. Однажды ночью какой-то ингуш схватил Тасю за руку — она едва вырвалась и убежала.

До болезни Михаил собирался последовать за отступающими белыми войсками, но от этих планов пришлось отказаться: врачи в один голос говорили Тасе, что больной умрет на первой же станции. Правда, когда беспамятство и боли отступили, Михаил часто упрекал ее:

— Ты слабая женщина, не могла меня вывезти!

После вступления во Владикавказ красных приехала комиссия, которая занялась поисками уцелевших белогвардейцев. Стоял май; Михаил как раз выздоравливал и гулял с Тасей в городском саду, опираясь на палку. Однажды они ульшались за спиной:

— Вот этот печатался в белогвардейских газетах.

Булгаковы быстро ушли оттуда, их никто не преследовал. В тот год Михаил выжил почти чудом — его многие могли опознать и тогда... К примеру, их соседом по дому был сын казачьего атамана Митя. Он был немного равнодушен к Тасе и однажды позвал ее на собрание тех, кому была не по душе новая власть. Она отказалась, а потом узнала, что Митя с тем же предложением обратился к бывшей медсестре из детского сада, с которой у него был роман. Медсестра доложила куда следует; Митю забрали и расстреляли.

В советском Владикавказе работу найти было нелегко. А такую, чтобы за нее еще и платили, — и подавно. Михаил работал в подотделе искусств, где не платили вообще, а Тасе в театре вместо зарплаты выдавали постное масло и огурцы.

Жили они тогда на Тасину золотую цепь, которую ей подарили еще родители. Цепь была витая, толщиной чуть меньше мизинца, и длинная — Тася окручивала ее вокруг шеи дважды, и то еще цепь спускалась на грудь, поддерживая камею. Тася носила ее не снимая, даже в Киеве спускалась с ней открывать дверь, хотя бесчисленное количество раз цепь могли просто сорвать с шеи и убежать... Но цепь все-таки уцелела и хорошо послужила Булгаковым во Владикавказе: когда заканчивались деньги, они отрубали от цепи очередной кусок и продавали.

Революция настолько потрясла сознание русских людей, что после нее еще долго велись различные диспуты на тему: надо ли жизнь по-новому начинать так, словно все родилось только вчера, или опыт развития человеческого общества, культуры и т.д. за несколько тысяч лет тоже кое-что значит. Неудивительно, что в конце июня — начале июля 1920 года Булгаков принял участие в трехдневном диспуте-суде над... Пушкиным. Ультралевые ораторы «рвали на Пушкине белые штаны» и доказывали, что поэт был дворянином, а революция уничтожила дворян как класс, поэтому с Пушкиным покончено раз и навсегда.

ПРЕДИСЛОВИЕ

С подкупающей простотой высказался по этому поводу некто Астахов, редактор местной газеты «Коммунист»: «И мы со спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, уповая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся» («Коммунист», 3 июля 1920).

В защиту классического наследия выступил Булгаков. Пушкин был им оправдан, а большевистская печать откликнулась на это статьей-разъяснением «Покушение с негодными средствами», которая больше походила на политический донос: «Русская буржуазия, не сумев убедить рабочих языком оружия, вынуждена попытаться завоевать их оружием языка. Объективно такой попыткой использовать «легальные возможности» являются выступления гг. Булгакова и Беме на диспуте о Пушкине. Казалось бы, что общего с революцией у покойного поэта и у этих господ? Однако именно они и именно Пушкина как революционера и взялись защищать. Эти выступления, не прибавляя ничего к лаврам поэта, открывают только классовую природу защитников его революционности...» («Коммунист», 10 июля 1920 г.).

Тем временем Гражданская война в стране подходила к концу. В ноябре Красная армия полностью овладела Крымом. Остатки белогвардейских войск под командованием Петра Врангеля и гражданские беженцы эвакуировались в Турцию. Всего за несколько дней было вывезено почти 75 тыс. офицеров, казаков, солдат и чиновников, а также около 60 тыс. гражданских лиц, в основном, связанных с армией. Был эвакуирован и тяжелораненый Николай Булгаков, о чем его родные узнали только в январе 1922 года.

Гражданская война привела к невиданным опустошениям и разорению страны, не говоря уже о многочисленных жертвах: за ее годы в России, по различным оценкам, погибло от 8 до 13 млн чел., в основном мирного населения, — от голода, эпидемий, террора. Около 2 млн чел. эмигрировали; это были чаще всего представители среднего и высших слоев общества. Ущерб экономике оценивался приблизительно в 50 млрд золотых рублей; к концу Гражданской войны промышленное производство составляло менее 20 % от уровня 1913 года, а сельскохозяйственное производство сократилось почти вдвое.

Осенью 1920 года специальная комиссия, рассмотрев работу подотдела искусств во Владикавказе, обнаружила в ней множество недостатков и, чтобы хоть как-то поправить дело, выгнала оттуда многих сотрудников, в том числе и Михаила Булгакова.

Здесь же, во Владикавказе, Булгаков в 1920—1921 годах написал свои первые пьесы — наспех, ради заработка, хотя одна из них была для него отнюдь не случайной. Речь идет о драме «Братья Турбины» (1920), замысел которой Булгаков лелеял давно. Уже здесь появляется герой, которого зовут Алексей Турбин — фамилию Турбиных носили предки Булгакова со стороны матери. Действие пьесы происходило в 1905 году, она была снабжена подзаголовком «Пробил час».

Пьеса имела успех, который в глазах автора выглядел почти как насмешка судьбы. «...Ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь», — писал он 1 февраля 1921 года двоюродному брату Константину. Как и другие пьесы того периода — «Самоборона», «Глиняные женихи», «Парижские коммунары», «Сыновья муллы», — Булгаков безжалостно предал ее огню в 1923 году в Москве.

Во Владикавказе он писал не только для заработка: существуют данные о созданных им за это время каких-то рассказах, которые в тех условиях было негде напечатать, и работе над романом. «Творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное», — с горечью писал он сестре Варе в апреле 1921 года.

К лету того же года стало ясно, что во Владикавказе делать уже нечего. Михаил, а за ним и Тася перебрались в Тифлис, но и там оказалось ничем не луч-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ше. Из-за отсутствия денег им пришлось продать обручальные кольца, которые Михаил заказывал в свое время у Маршака, в лучшей киевской ювелирной лавке. На внутренней стороне колец было выгравировано: «Михаил Булгаков» — у него, «Татьяна Булгакова» — у нее, а также дата свадьбы — у обоих.

Булгаков все еще вынашивал планы бегства за границу — в пароходном трюме в Константинополь, а Тасе нужно было ехать в Москву по командировке театра. Уезжая, она была уверена, что они больше не увидятся, но судьба рассудила иначе. Не прошло и трех недель после того, как Тася с большими приключениями добралась до Москвы (в дороге у нее украли багаж), когда до нее дошло известие, что Михаил тоже в Москве и ищет ее.

Воссоединенная семья некоторое время жила в общежитии, а в октябре переехала в комнату дома № 10 по улице Большая Садовая, первого чуть ли не в целой стране дома — рабочей коммуны. Это означало, что в духе новых коллективистских идей управление домом, а частично и его ремонт, и обслуживание были переданы в руки проживающей там же трудящейся общественности. Результаты эксперимента не замедлили сказаться.

Снег на крыше никто чистить не стал, поэтому зимой в комнате рядом с булгаковской рухнул потолок. Потом комнату отремонтировали, и в ней поселился хлебопек с симпатичной женой Натальей. Хлебопек регулярно лупил Наталью чем попадало за одному ему известные прегрешения, а Наталья орала благим матом и звала на помощь. Видимо, именно этот тип отношений получил в народе душевное название «милые бранятся — только тешатся», потому что, когда Михаил не выдержал и вызвал милицию, супруги дружно заперлись и никого не пустили. Милиция разозлилась и обвинила Булгакова в ложном вызове.

Другой соседкой Булгаковых была Дуся-проститутка, женщина скромная и тихая, да и муж ее всегда держался где-нибудь неподалеку. Одна беда: по ночам двери часто путали и тогда в комнату к Булгаковым стучался очередной кавалер со словами: «Дуся, открой!» Тася обычно отвечала коротко и по существу: «Рядом!»

В домоуправлении рабочей коммуны сидели вполне обыкновенные пьяницы, которые постоянно грозились выкинуть Булгаковых из комнаты, вымогая взятку за пропуск. Денег у Булгаковых не было, поэтому Михаил решился на нестандартный шаг — он написал письмо Надежде Крупской, жене Ленина. Сначала письмо было напечатано на машинке, но, подумав, Михаил Афанасьевич переписал его от руки. Сумасшедшая затея увенчалась успехом, и Булгаковым официально выделили большую комнату на Садовой, которую писатель позднее в сердцах называл «проклятая квартира № 50».

Именно здесь, на Садовой, Булгакову довелось познакомиться с соседкой Аннушкой, которая, как известно, разлила масло в романе «Мастер и Маргарита», что стало причиной целого ряда ужасных и трагических событий. Эта Аннушка прославилась среди жильцов своей безалаберностью, из-за которой то и дело случались разные дурацкие происшествия. Вот хотя бы ночная запись в дневнике Булгакова от 29 октября 1923 года: «Сегодня впервые затопили. Я весь вечер потратил на замазывание окон. Первая топка ознаменовалась тем, что знаменитая Аннушка оставила на ночь окно в кухне настежь открытым. Я положительно не знаю, что делать со сволочью, что населяет эту квартиру».

Впрочем, юморист — это не профессия, а мироощущение, поэтому в письме Булгакова в Киев к сестре Наде от 23 октября 1921 года его жилье и бытовые условия представлены в достаточно игривой форме:

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом
Как какой-нибудь,
извините за выражение, атом.